

ISSN 0869-6365

литературное
НОВОЕ
обозрение

№ **123** 5'2013

СОДЕРЖАНИЕ

№ 123 (2013)

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

Ника Скандиака	7	(Черепиц/Перья)
Эдуард Шелганов	10	Среди изменчивых попыток

АНТРОПОЛОГИЯ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВИЗУАЛЬНОСТИ

Николай Поселягин	13	От редактора
Сергей Зенкин	15	Образ, рассказ и смерть (Жорж Батай и Ролан Барт)

СЕМИДЕСЯТЫЕ В ЗАКРЫТОМ ОБЩЕСТВЕ: В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА

Составитель блока Наталья Полтавцева

Наталья Полтавцева	45	Дискурс эпохи и аффективный опыт (<i>введение</i>)
Александр Ф. Филиппов	48	Советская социология как полицейская наука
Андрей Щербенок	64	Цивилизационный кризис в кино позднего застоя
Стивен Ловелл	70	«Семнадцать мгновений веспы» и семидесятые (<i>пер. с англ. Натальи Полтавцевой</i>)
Екатерина Болтунова	89	Державность по-советски: Имперское пространство советских 70-х

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ:
НОВЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ, НОВЫЕ ЗРИТЕЛИ

ВИАЛЕТТА ГУДКОВА	104	Смена караула, или Новый театральный зритель 1920-х годов
П. Н. ГОРДЕЕВ	131	Воровство и хулиганство в петроградских государственных театрах в феврале-октябре 1917 года

ИСТОРИЯ ЛЕЧЕНИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ МЕДИЦИНЫ

МАРИЯ ПИРОГОВСКАЯ	144	От materia medica до хозяйственных книг: органолептический анализ и становление русского ольфакторного словаря

О ДВУХ СОЧИНЕНИЯХ
И ОДНОМ НАЧИНАНИИ

ОЛЕГ ПРОСКУРИН	165	Русский поэт, немецкий ученый и бессарабские бродяги (<i>Что Пушкин знал о цыганах и почему скрыл от читателей свои познания</i>)
АЛЕКСАНДР ДОЛИНИН	184	Гяур под маской янычара: О стихотворении Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...»
А. И. РЕЙТЕЛЬГАТ	201	Пушкин-гимнаст

ПРОЧЕНИЯ

ДЖУЛИ КЕРТИС	218	«Англичанин... московский»: Евгений Замятин и русская критика (1913–1923) (<i>Архивная заметка</i>)

ГРАММАТИКА ПОЭЗИИ

ЕВГЕНИЯ СУСЛОВА	225	Виктор Соснора: <i>Cognus</i>
МАРИНА КУЗИЧЕВА	240	Мир где нет исчезновения (<i>О поэтике «метареализма»</i>)

РАЗВЕРЗЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

К столетию со дня рождения Клода Симона

ВИКТОР ЛАПИЦКИЙ	257	От переводчика
Клод Симон	262	Тексты на случай (пер. с фр. В. Лапицкого)

СМЕСЬ

ИГОРЬ БОНДАРЬ- ТЕРЕЩЕНКО	286	Успнуть на трубе теплотрассы. <i>В мире социальных сетей</i> Анатолия Гаврилова

ХРОНИКА
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КЕВИН М. Ф. ПЛАТТ	294	Сквозь демаркационные линии (Рец. на кн.: <i>Латышская/русская поэзия: Стихи латышских поэтов, написанные на русском языке. Рига, 2011</i>)
ПЕТР КАЗАРНОВСКИЙ	299	Триумф разрушения (Рец. на кн.: <i>Судаева М. Лозунги. М., 2013</i>)
Ян Пробштейн, Анна Голоубкова	304	Рец. на кн.: <i>Кацов Г. Словосфера. New York, 2013; Соколовский С. Гиптоглиф. М., 2012</i>

БИБЛИОГРАФИЯ

БОРИС СТЕПАНОВ	312	Прогресс в сознании истории (Рец. на кн.: <i>Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012</i>)
АЛЕКСАНДР МАРКОВ	320	Вместо полифонии — «полиграфия» (Обзор ежегодника « <i>Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft</i> » за 2009–2012 гг.)
АЛЕКСАНДР СОРОЧАП	326	«Иной мир» и оккультизм в английской и американской литературе (Обзор новых книг)

ИЛЬЯ ЖЕНИН	340	История Германии XX века глазами Франца Гёлля (Рец. на кн.: <i>Fritzsche P. The Turbulent World of Franz Göll: An Ordinary Berliner Writes the Twentieth Century. Cambridge, 2011</i>)
КРАСИМИРА ЛУКИЧЕВА	345	Эстетика искусства без границ (Рец. на кн.: <i>The Aesthetics of the Total Artwork: On Borders and Fragments. Baltimore, 2011</i>)
ЕВГЕНИЙ ДОБРЕНКО	352	Сталинская культура: методологическое удущье (Рец. на книги: Кулятин А.И., Скубач О.А. <i>Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013; Столяр М. Советская смеховая культура. Киев, 2011</i>)
КЁХЭЙ НОРИМАПУ	362	Японская научная литература о русской культуре (библиографический список книг 2000–2012 годов)

Х А Л Т У Р А

Ю. ВАЛИЕВА	371	Чей это Бахтерев? (Рец. на кн.: <i>Бахтерев И. Обэрицтские сочинения: В 2 т. / Сост. и примеч. М. Евзлина. М., 2013</i>)
	376	Новые книги

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НИКОЛАЙ ПОСЕЛЯГИН	401	Международная конференция XXI Большие Банные чтения «Неофициальная меморизация травматического опыта» (Москва, Международное общество «Мемориал», 5–6 апреля 2013 г.)
ЕЛЕНА ПАСЫНKOVA	408	Малые Банные чтения «Слово и дело. Интеллектуалы, художники, поэты и общественно-политические процессы в России» (Факультет свободных искусств и наук, СПбГУ, 1–2 марта 2013 г.)

Ольга Брейнингер	418	Международная конференция «Декаданс или ренессанс. Русская литература после 1991 года» (Оксфорд, 24–26 октября 2012 г.)
Илья Дементьев	421	Научная конференция «Первые Копоновские чтения. К 55-летию со дня рождения Николая Копонова» (Калининград, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 4–5 апреля 2013 г.)
Ирина Басалаева	426	«Сибирь социализма» в байкальской оправе. I Международная конференция молодых исследователей Сибири «Сибирь социализма: советский век в частной памяти» (Иркутск – остров Ольхон, 7–12 апреля 2013 г.)
Алексей Холиков	434	Международная конференция «Пространство памяти: автобиографические жанры в русской культуре и европейском контексте» (Надуй, 7–9 мая 2013 г.)
	437	Errata
	438	Summary
	442	Наши авторы

Ключевые слова: имперское пространство, репрезентация власти, советский историзм, Большой Кремлевский дворец, семидесятые

Екатерина Болтунова

ДЕРЖАВНОСТЬ ПО-СОВЕТСКИ: ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВЕТСКИХ 70-х

Популярный в свое время образ нового советского государства, выросшего на обломках Российской империи, как ни парадоксально, достаточно точно отображает историю формирования советского властного дискурса. Речь идет о нежеланном наследстве, полученном новой властью и состоящем из огромного пространства власти, создававшегося на протяжении нескольких столетий истории Российской империи. Это был целый комплекс пространственных структур и ориентиров, направленных на трансляцию соответствующих идей и позиций: памятники царям и государственным деятелям, дворцы с государственно-представительскими помещениями разного порядка, бесчисленные административные сооружения и другие объекты, участвующие в репрезентации власти. С этим огромным и, казалось бы, ненужным наследством пришлось иметь дело. Но за полвека вокруг них сложилась уже целая история – история советской рецепции имперского властного пространства.

Процессы апроприации разворачивались на протяжении всего советского периода, меняя и видоизменяя формы на каждом следующем этапе.

Первое послереволюционное десятилетие (конец 1910-х – 1920-е годы) было отмечено агрессивным маркированием присутствия новой власти в этом пространстве. Здесь следует отметить многочисленные переименования, а также появление революционных захоронений у императорских дворцов и на площадях. При этом символическое вторжение в чуждое пространство сопровождалось активной ритуализацией, которая должна была способствовать как закреплению новой символической образности, так и прямой апроприации завоеванного «места силы». В 1920-е годы в дискурсивно значимых имперских зонах власти регулярно проводились празднования революционных событий, шествия, парады¹. Устраивались здесь и достаточно многочисленные реконструкции, например повторение штурма Зимнего дворца в 1920 году, ставшее частью празднования трехлетия революции. Вероятно, в этом же контексте следует рассматривать и превращение площади Урицкого (Дворцовой) в своего рода огромную шахматную доску для проведения партии между И. Рабиновичем и П. Романовским летом 1924 года. К подобной акции по популяризации шахмат были привлечены моряки и красноармейцы, исполнявшие соответственно роли белых и черных фигур, а также кавалеристы и пулеметчики. Очевидно, что шахматы – игра, исключительно популярная в Советском Союзе, предоставляли уникальную возможность выражения целого ряда символических смыслов и контекстных рядов. Ведь – особенно в данном случае из-за стремления не просто представить фигуры в натуральную величину, но сделать их живыми – каждый из шахматистов, по сути, оказывался

1 Об этом см.: *Матвеев В.М.* Жертвы. Борцы. Герои: Метаморфозы памятника на Марсовом поле // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб.: Белое и черное, 2002. Вып. 6. С. 260–275; *Болтунова Е.М.* Дворец как часть советского / постсоветского городского ландшафта: (На примере дворца Екатерины II в Твери) // Труды Русской антропологической школы. М.: РГГУ, 2012. Вып. 11. С. 127–135.

военачальником, ведущим вперед свою маленькую армию. То, что «воевать» Рабиновичу и Романовскому предстояло на бывшей Дворцовой площади, делало партию прямой отсылкой к событиям осени 1917 года, а равным образом и противостоянию в годы только что закончившейся Гражданской войны.

С другой стороны, в это десятилетие имперское властное пространство, как, впрочем, и находящиеся в нем объекты, зачастую репрезентировалось как трофей. Символический компонент как таковой не отвергался. Напротив, он оказывался востребованным для демонстрации иных (зачастую обратных) смысловых коннотаций. Как правило, это были перекодировки по принципу палимпсеста — один символический текст за ненадобностью уничтожался, чтобы освободить место для другого, правильного и нужного. Именно так, например, в эти годы часто поступали с памятниками, особенно с монументами царям. Так, в 1919 году был изменен постамент памятника Александру III (скульптор П.П. Трубецкой), стоявшего у Николаевского вокзала. Как известно, вместо надписи-посвящения «Державному основателю Великого Сибирского пути» на нем было выбито стихотворение Демьяна Бедного «Пугало», отражавшее советскую идеологию: «Мой сын и мой отец при жизни казнены, / А я пожал удел посмертного бесславья. / Торчу здесь пугалом чужинным для страны, / Навеки сбросившей ярмо самодержавья»². Известен и проект установки памятника «Освобожденному труду» с использованием трона от спесенного памятника Александру III (скульптор — А.М. Опекунин, архитектор — А.Н. Померанцев), стоявшего перед храмом Христа Спасителя в Москве³.

Акции схожего порядка могли затрагивать и более значительные пространственные структуры. Так, в Георгиевском зале Зимнего дворца, главном тронном зале империи, в 1924 году открылась выставка западноевропейского оружия XV—XVII веков⁴. При этом центральная часть экспозиции была развернута непосредственно на месте, где прежде находился императорский трон. Тронное место как таковое было частично разобрано — в запасники отпраздничались тронное кресло, навершие балдахина в виде императорской короны, элементы убранства с символами империи (герб и двуглавый орел). Однако значимые конструктивные элементы: ступенчатое возвышение под трон, мраморные колонны, балдахин, а также барельеф с изображением св. Георгия — были сохранены. Таким образом, лишившись атрибутов империи, тронное место не перестало существовать, по-прежнему оставаясь центральной точкой огромного по площади зала. Именно здесь была устроена экспозиция «Крестьянское оружие Крестьянской войны в Германии 1525 года»⁵. В этом случае символическая функция не была отторгнута, а оставшееся в наследство пространство становилось перекодировано. Крестьянская война XVI века, осмысленная в категориях международного революционного движения, берущего свое начало в Германии, оказывалась в абсолютной точке Российской империи — на императорском троне Романовых. Так экспозиция стала воплощением лозунга борьбы за мировую революцию.

2 Шапошникова Л.П. Памятник Александру III (скульптор Павел Трубецкой). СПб.: Государственный Русский музей, 1996. С. 18.

3 Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М.: Вагриус Плюс, 2006. С. 156.

4 Пашкова Т.Л. Георгиевский (Большой тронный) зал Зимнего дворца. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2008. С. 57.

5 Там же. С. 58—59.

В это время переоценки, перекодировки, переосмысления зачастую носили характер вполне творческий. Показательны попытки интегрировать красный цвет Зимнего дворца в революционный контекст в эскизах Н.И. Альтмана к оформлению площади Урицкого в преддверии празднования годовщины Октябрьской революции в 1918 году, а также в работах Б.М. Кустолиева «Демонстрация на площади Урицкого в день открытия II Конгресса Коминтерна в шале 1920 года» (1921) и В.В. Купцова «АНТ-20. Максим Горький» (1934)⁶.

Приемы агрессивной, по творческой переработки имперского материала к началу 1930-х годов были в значительной степени свернуты. На первый план вышла (характерная до определенной степени и для XIX столетия) установка на ослабление предшествующей символической нагрузки за счет акцентировки функционального назначения предмета или пространства. Согласно этой позиции дворец воспринимался не более чем жилая площадь, место, предназначенное для проживания; равным образом любой символический осмысленный предмет, некогда важный для реализации дискурса власти, становился функциональным. Так, в Зимнем дворце бык из оружейной палаты, а также львица Александра I из Оружейной палаты отправилась в музей мебели⁷. Здесь интересно, впрочем, некоторое стремление до определенной степени сохранить прежнюю функцию. Например, Грановитая и Золотая палаты Кремля были местами, где помимо прочего устраивались многочисленные «столы», т.е. обеды в честь того или иного важного события (рождение, крестины, именины, коронации и т.д.)⁸. В определенном смысле появление советской столовой именно в этих стенах, так же как выбор здания Сената для заседаний Совнаркома, возможно, казался новой власти естественным продолжением функционального назначения этого пространства.

В это же время уничтожаются постаменты имперских памятников, которые первоначально предназначались для создания новых советских монументов. Так, в 1932 году был разобран постамент памятника Александру III, который должен был превратиться в монумент «Освобожденному труду»⁹. Кроме того, пространство власти в это время начинает закрываться. Так, при Сталине Кремль полностью закрыли для посещения.

После войны, однако, ситуация изменилась, что было связано с пересмотром целого ряда трактовок. О грядущих переменах свидетельствовали уже документы Нюрнбергского процесса, в которых применительно к разрушенным фашистами императорским дворцам и резиденциям активно использовалось понятие «культурное достояние»¹⁰.

Здания и монументы, составлявшие пространство власти Российской империи, с этого времени репрезентируются не как трофей, а как наследие.

6 Болтунова Е.М. Имперское vs Советское: Дискуссия конца 2000-х гг. о выборе цвета Зимнего дворца в Санкт-Петербурге // Труды Русской антропологической школы. М.: РГГУ, 2010. Вып. 7. С. 55.

7 Тутова Т.А. Директор Оружейной палаты Д.Д. Иванов и борьба за сохранение музейных ценностей в 1922–1929 годах // Сокровищница России: Страницы исторической биографии музеев Московского Кремля / Отв. редактор Н.С. Владимирская. М.: Московский Кремль, 2002. С. 98.

8 Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1. Ч. 2. С. 348–428.

9 Сокол К.Г. Указ. соч. С. 156.

10 Нюрнбергский процесс: Сборник материалов / Под ред. К.П. Горшеняна, Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко. М.: Юридическая литература, 1954. Т. 1. С. 744–778.

Послевоенное открытие отреставрированных тронных залов императорских дворцов даже приурочивали к датам революционных праздников. Например, Пестровский (Малый тронный) зал бывшего Зимнего дворца был открыт 7 ноября 1947 года, а Георгиевский (Большой тронный) зал — 1 мая 1948 года. В Георгиевском зале была разобрана упоминавшаяся экспозиция средневекового оружия. На месте бывшего трона установили карту «Индустриализация социализма» из самоцветных камней (лазурит, яшма, опал), выполненную уральскими мастерами в 1937 году и выставленную в Париже и Нью-Йорке. Карта была создана к 20-й годовщине Октября. Инициатива ее создания принадлежала Г.К. Орджоникидзе, наркому тяжелой промышленности, что и предопределило форму, в которой материал был представлен. Но к моменту установки в Георгиевском зале карта была изменена: с нее убрали обозначения промышленных пунктов и нанесли новые границы, превратив, таким образом, в современную административную карту¹¹.

С 1955 года Московский Кремль частично открылся для посещения, став музеем под открытым небом. Сохранившиеся Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца и Грановитая палата оказались востребованными для проведения ряда представительских мероприятий. Если в первом теперь проходили Кремлевские слки и большие приемы (в честь победы в Великой Отечественной войне 24 мая 1945 года, в честь участников Парада победы 25 июня 1945 года и т.д.), то Грановитая возвращает себе одну из основных утраченных функций — место приема послов иностранных государств.

История открытия советским дискурсом имперского властного пространства достигает своего пика в 1970-е годы. При этом, говоря о семидесятых, следует иметь в виду более широкий контекст, т.е., по сути, весь брежневский период (середина 1960-х — начало 1980-х годов). В это время можно зафиксировать взлет интереса к государственно-представительскому пространству империи, которое становится ценным само по себе, зачастую вне каких бы то ни было попыток приспособить его под себя практически или даже символически.

Показательно, например, отношение к Грановитой палате. Судя по сохранившимся источникам, уже во время войны зал служил определенным представительским целям. Об этом говорят сохранившиеся коллективные фотографии, на которых в палате происходят награждения орденами военнослужащих. Судя по изображениям середины 1950-х годов, к этому времени щиты, закрывавшие росписи стен и сводов Грановитой палаты, были сняты. Так, на фотографиях с приема в честь Джавахарлала Неру, состоявшегося здесь в 1955 году, росписи стен уже открыты¹². В 1967—1968 годах зал отреставрировали. Были восстановлены даже рельефы центрального столба и дверного портала. Для этого был осуществлен широкомасштабный поиск щитов с рельефами столба, один из которых в итоге и был обнаружен в фондах Румянцевского музея¹³. Реставрация в это время в целом затрагивает значи-

11 Паикова Т.Д. Указ. соч. С. 58—60.

12 См. фото А. Гостева «Визит Премьер-министра Индии Джавахарлала Неру в СССР. Кремль. Грановитая палата. Прием в честь Джавахарлала Неру. Выступает Николай Булганин. 1955» (www.fotosoyuz.ru/ru/user/basket/picture/?picid=fs-gostev-02/15/Gost-1414_2.jpg (дата обращения: 15.05.2013)).

13 Насибова А. Грановитая палата Московского Кремля. Л.: Аврора. 1978. С. 11.

тельную часть Кремля (особенно соборы и башни). Здесь также начинаются масштабные археологические раскопки¹⁴.

Исключительно показательным в оценке нового этапа может стать сопоставление роликов кинохроники, посвященных визитам зарубежных делегаций в СССР. Посещение столичного Кремля в таких случаях было обязательным. Прием делегаций и переговоры зачастую проходили в помещениях Большого Кремлевского дворца, основной резиденции российских монархов в Москве с середины XIX века. Культурная программа также всегда включала осмотр Кремля. Способы, какими иностранным гостям стремились показать центр власти и при этом главную достопримечательность советской столицы, менялись с течением времени, демонстрируя, таким образом, корреляцию отношения к имперскому представительскому пространству как таковому и выделение приоритетов.

Кинохроника помимо прочего позволяет оценить выстраивание визуального контента, адресованного советскому зрителю. Конечно, следует учитывать существующий зазор между собственно действием (в нашем случае это программа мероприятий, последовательность передвижения делегации, содержание экскурсий и т.д.) и передачей всего произошедшего режиссером видеоряда. Но учитывая, что речь идет о хронике событий с участием высших руководителей Советского Союза и членов иностранных делегаций, можно предположить, что перед нами выверенный и одобренный на разных уровнях материал, своего рода официальная версия событий.

Мы ограничимся рассмотрением передвижений делегаций по территории Московского Кремля. Прежде всего речь будет идти о Большом Кремлевском дворце, Грановитой и Оружейной палатах, т.е. о главном императорском дворце, тронном зале и музее Московского Кремля периода империи. Именно такая выборка кажется наиболее репрезентативной, учитывая коннотации, связанные с Кремлем как в дореволюционное, так и в советское время.

Важно указать тем не менее, что деловая и культурная программа таких визитов никогда не ограничивалась посещением Кремля и редко — посещением одной лишь Москвы. Зарубежным делегациям стремились показать именно страну, а не столицу. Так, посетивший в 1955 году СССР премьер-министр Норвегии Э. Герхардсен после пребывания в Москве отправился в Грузию (Тбилиси и музей И.В. Сталина в городе Гори), а затем в Сталинград¹⁵ и Ленинград¹⁶. В том же году французская парламентская делегация посетила Москву, Сталинград, Киев, Тбилиси, Магнитогорск и Ленинград¹⁷. В 70-е делегациям часто показывали Среднюю Азию, особенно Душанбе, Ташкент и Бухару¹⁸, в начале 80-х — Прибалтику (Таллин, Тарту)¹⁹.

Интересно, что в первые годы после смерти И.В. Сталина и по крайней мере до XX съезда места, так или иначе связанные с фигурой Сталина (Гори

14 Российский государственный архив кинофотодокументов (далее — РГАКФД). № 2265: Археологические раскопки в Кремле (1966 год).

15 Сталинград был переименован в Волгоград лишь в 1961 году.

16 РГАКФД. № 16020: Пребывание Премьер-министра Норвегии Э. Герхардсена в Москве (1955 год).

17 Там же. № 9797: Французская парламентская делегация в СССР (1955 год).

18 Там же. № 28473: Парламентарии Лаоса в Советском Союзе (1978 год); № 32073: Делегация парламента Финляндии в СССР (1985 год).

19 Там же. № 32073.

и Сталинград), часто составляли основу маршрута. В брежневское время программа того или иного визита непременно включала в себя места памяти о Великой Отечественной войне. При этом Ленинград и Волгоград не утратили своего значения. Некоторые позиции, однако, были скорректированы: к образу революционного Ленинграда добавился статус города-героя, переименование Сталинграда в Волгоград переместило акцент с абсолютной фигуры вождя на историю борьбы с фашизмом.

В качестве примера можно сопоставить хронику хрущевского и брежневского периода, в частности, рассмотреть освещение визитов в СССР упоминавшегося выше премьер-министра Норвегии Э. Герхардсена (1955)²⁰ и американского сенатора Э. Кеннеди (1974)²¹. С одной стороны, каждый из видеороликов содержит достаточно характерную для своего периода (середины 1950-х и середины 1970-х годов соответственно) подачу материала. С другой стороны, визиты (как и хроника, которую представляли советскому зрителю) разделены двумя десятилетиями, а значит, сравнительное рассмотрение укажет на произошедшие изменения.

Первый фильм, повествующий о пребывании в СССР делегации из Норвегии, сначала кратко демонстрировал зрителю встречу Э. Герхардсена и сопровождающих его лиц в аэропорту, фиксируя затем прием членов делегации у А.И. Микояна и подписание советско-норвежского коммюнике в присутствии Н.С. Хрущева. Встреча проходила в зале приемов, интерьер которого, судя по видеоряду, был выдержан в сталинском стиле (стены, выкрашенные в белый цвет, деревянные стеновые панели, громоздкая темная мебель, карта, портреты Ленина и Сталина) (рис. 1). Отметим, что вид зала как такового, очевидно, не привлек внимание съемочной группы. Более того, помещение выглядит в значительной степени деперсонифицированно. Информации о нем в фильме нет, все комментарии касаются исключительно процесса переговоров.

Впрочем, в 1950-е годы даже в тех случаях, когда прием иностранной делегации проводился в одном из исторических залов Большого Кремлевского дворца, принцип передачи изображения был схожим. Так, в 1955 году французских парламентариев в Москве принимали в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. Во времена Российской империи он был одним из пяти парадных орденских залов дворца (Георгиевский, Владимирский, Александровский, Андреевский и Екатерининский) и исполнял функцию тронной императрицы. Декор Екатерининского зала в этот момент был вполне аутентичным, т.е. дореволюционным. Однако низкая съемка (на уровне человеческого роста) и обилие крупных планов участников переговоров зачастую не дают возможности не только увидеть интерьер зала, но и даже быстро идентифицировать его. Люстры, массивные столбы с пилястрами, лепнина на потолке, малахитовые вставки на стенах, паркет в кадре отсутствуют. Сохранившаяся ампириная мебель показана издали. В документальном фильме есть лишь несколько кадров, когда в поле зрения попадают массивные и чрезвычайно заметные хрустальные канделябры. Определить, в каком зале проходила встреча, можно лишь по случайно попавшей в кадр в конце сюжета двери с орденским знаком св. Екатерины. Информации о зале здесь также нет²².

20 РГАСФД. № 16020.

21 Там же. № 26839: Визит сенатора Эдварда Кеннеди в Советский Союз (1974 год).

22 Там же. № 9797.

Рис. 1. О. Кутузова. «Пребывание Премьер-министра Норвегии Э. Герхардсена в Москве (1955 год)» (РГАКФД. № 16020)

Для делегации Э. Герхардсена была разработана и культурная программа: традиционное посещение Московского Кремля, Третьяковской галереи, ВДНХ, МГУ и Большого театра. Однако осмотр достопримечательностей в Кремле не начался сразу после окончания переговоров, как можно было бы ожидать. Согласно хронике, норвежские гости сначала посмотрели балет в Большом театре, посетили экспозицию Третьяковской галереи и ряд других достопримечательностей и только потом снова оказались в Кремле. Безусловно, программа была разработана с учетом разного рода обстоятельств, в том числе, возможно, и пожеланий норвежской стороны. Вместе с тем показательно, что при такой расстановке Кремль-музей и Кремль – центр власти страны Советов оказались в определенном смысле отделены друг от друга. Власть и историческое прошлое страны, сосуществующие в одном пространстве, не были связаны на уровне абсолютных категорий.

Хроника визита, впрочем, явно стремилась восполнить недостающее звено, способное связать «тогда» и «теперь». По фильму посещение Московского Кремля начинается на Соборной площади. Кадров, показывающих Герхардсена внутри какого-либо из соборов Кремля, в хронике нет. Визуальный ряд фиксирует лишь осмотр Оружейной палаты и музея-квартиры Ленина.

Приведем полный закадровый текст этого отрывка:

Памятники русского зодчества XV и XVI веков гости увидели в Кремле. Оружейная палата — старейший русский музей. Здесь собрана богатейшая коллекция оружия XIII — XVIII веков. Шлем и кольчуга волна. Нарский головной убор «шапка Мономаха». Горностаевая мантия, царское одеяние при коронации. В Оружейной палате представлены изделия искуснейших мастеров. Много дорогого сердцу советских людей хранит Кремль. Кабинет Ленина. В этой комнате рождались великие идеи, великие дела. Напись-

менном столе свечи. В те времена с электричеством было сложно. Здесь темной осенью 1920 года английский писатель Герберт Уэллс с изумлением слушал Ленина, рассказывавшего о дерзковатом плане электрификации страны. Спальня. Все говорит о скромности жившего здесь человека. На многих языках мира сделаны записи в книге посетителей квартиры Ленина.

Обращает на себя внимание то, насколько четкую выборку предметного ряда делает режиссер фильма²³. Зритель видит: из огромного числа экспонатов Оружейной палаты норвежской делегации показывают предметы, связанные с властью и процессами легитимации (шапка Мономаха и коронационные костюмы), а также (даже в большем количестве) оружие (рис. 2). Культурно-исторический контекст в его идеологическом наполнении («изделия искуснейших мастеров») также присутствует, но, по всей видимости, не является главным. Акцент сделан на двух взаимосвязанных дискурсивных линиях — власть и война.

Рис. 2. О. Кутузова. «Пребывание Премьер-министра Норвегии Э. Герхардсена в Москве (1955 год)» (РГАКФД, № 16020)

Наиболее значительный объем времени видеоролика отведен под посещение музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле» (рис. 3). Зрителю представлено достаточно детализированное описание визита: осмотр кабинета, затем спальни, завершающая визит запись в книге посетителей. Автор закадрового текста при этом предпринимает также вполне характерную для ленинского канона попытку указать на абсолютное знание и глубочайшее понимание перспективы развития, которыми обладал вождь. Очевидно и стремление опосредованно связать гостей музея с самим Лениным. В роли такого посредника здесь выступает другой иностранец — английский писатель Герберт Уэллс.

²³ Режиссер — О. Кутузова. Центральная студия документальных фильмов (ЦСДФ).

Рис. 3. О. Кутузова. «Пребывание Премьер-министра Норвегии Э. Герхардсена в Москве (1955 год)» (РГАКФД. № 16020)

Масштабная поездка в СССР в 1974 году сенатора Эдварда Кеннеди была представлена в хронике несколько иначе²⁴. Сенатора сопровождали супруга и двое детей. Визит начался в Москве, после чего Кеннеди с семьей посетил Ленинград и Тбилиси. Музей Сталина в Гори в программе визита не фигурировал, его заменила экскурсия по древнему монастырю Джвари.

Помимо запланированных встреч на государственном уровне (в том числе с Л.И. Брежневым и А.А. Громыко²⁵), Кеннеди ждала обширная культурная программа. Ее представительская московская часть включала в себя осмотр Большого Кремлевского дворца, Оружейной палаты и музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле», а также возложение цветов к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

Свой визит в Кремль Кеннеди, приехавший по приглашению парламентской группы Советского Союза, начал с приема у Я.С. Насриддиновой, занимавшей на тот момент посты председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР и первого заместителя председателя парламентской группы СССР. Насриддинова, согласно хронике, принимала сенатора в исторических комнатах Большого Кремлевского дворца, а именно залах, в которых до революции находились Парадная опочивальня и Парадная гостиная императрицы (рис. 4). Оба зала в основном сохранили убранство, характер-

24 РГАКФД. № 26839.

25 Кеннеди также встретился с заместителем Госкомитета по науке и технике Д.М. Гвишиани, сотрудниками Института США и Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР и студентами Московского государственного университета. В программе визита значится также посещение кошного завода в Успенском и обед у академика А.Н. Фрумкина.

Рис. 4. Л. Кристи. «Визит сенатора Эдварда Кеннеди в Советский Союз (1974 год)» (РГАКФД, № 26839)

ное для них еще в XIX веке. Оба были оформлены в стиле второго рококо и роскошно декорированы (яркая драпировка стен в красном и зеленом тонах соответственно, золоченая мебель, инкрустированные палцирем морской черепашки столешницы, массивные люстры, фарфоровые канделябры). Несомненно, гостей стремились поразить роскошью эпохи Николая I.

Действительно, к началу семидесятых аскетические интерьеры прежних приемных отошли в прошлое. Иностранные делегации теперь принимали в парадных помещениях второго этажа (Екатерининский зал) и примыкающих к ним апартаментах (Парадная гостиная императрицы), а также на так называемой Собственной половине дворца на первом этаже, т.е. в той части резиденции, где прежде располагались жилые покои монархов. На Собственной половине особенно востребованной для представительских целей стала Гостиная императрицы. Здесь в конце 70-х – начале 80-х принимали множество делегаций (например, парламентские делегации из Польши, Финляндии и Лаоса²⁶).

При этом в послевоенные годы (особенно в 1970-е и в начале 1980-х годов) принимающая сторона, несомненно, уделяла внимание статусу делегации. Так, судя по материалам хроники, делегации первого порядка (с участием членов королевских домов, президентов и руководителей правительств) традиционно принимали на втором представительском этаже Большого Кремлевского дворца, тогда как многочисленные парламентские делегации – на Собственной половине, т.е. на первом этаже. Можно предположить, что в данном случае актуализированной оказывалась также и семантическая оппозиция «верх» – «низ».

26 РГАКФД, № 29473; Делегация сейма Польской Народной Республики в СССР (1982 год): № 28473; № 32073.

В отличие от визита Герхардсена, Кеннеди с семьей отправились осматривать Кремль сразу после приема у Насридиновой. Хроника не фиксирует никакого перехода или остановки.

Комментарий за кадром:

Гости осмотрели Большой Кремлевский дворец, экспозиции Алмазного фонда Советского Союза, Оружейной палаты. Здесь собраны произведения умельцев, мастеров прошлого. Регалии власти русских царей. Каретный зал. 20 апреля Эдвард Кеннеди посетил музей-квартиру Ленина в Кремле. Основатель первого в мире социалистического государства придавал огромное значение развитию советско-американских отношений на деловой и дружественной основе, на основе принципов мирного сосуществования. Могила Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Советский и американский народы плечом к плечу сражались в рядах великой антигитлеровской коалиции против фашизма.

Как видно из приведенной цитаты, аудиоподдержка визита Кеннеди в историческую (дореволюционную) часть Кремля не слишком значительна. Визуальный же ряд, напротив, предоставляет много дополнительных данных. Судя по нему, сенатору показали не только сохранившиеся залы императорского Большого Кремлевского дворца (Георгиевский зал), но и входящие в его состав помещения, созданные во времена Московского царства (Граповитая палата) (рис. 5). В программу посещения, помимо традиционных Оружейной палаты и музея Ленина, вошел и Алмазный фонд. В целом очевидно, что Кеннеди (особенно учитывая, что прием у Насридиновой также проходил в исторических залах) показали достаточно много представительских помещений Кремля.

Рис. 5. Л. Кристи, «Визит сенатора Эдварда Кеннеди в Советский Союз (1974 год)» (РГКФД, № 26839)

Несколько иначе по сравнению с визитом Э. Герхардсена в хронике визита Э. Кеннеди было передано качество экспозиционного материала. Американскому сенатору, как и прежде, демонстрировали много предметов, связанных с реализацией дискурса власти (троны, короны, скипетры и т.д.), но среди них значительную часть составляли вещи, созданные во времена Российской империи. Создатели фильма²⁷ не сочли нужным и / или возможным включить в фильм осмотр оружия из Оружейной палаты, создав своего рода зону умолчания. Напротив, зритель увидел, как Кеннеди с семьей осмотрели относительно нейтральный в дискурсивном отношении, но при этом по-имперски яркий Каретный зал (рис. 6).

Рис. 6. Л. Кристи. «Визит сенатора Эдварда Кеннеди в Советский Союз (1974 год)» (РГАКФД. № 26839)

Обращает на себя внимание устойчивое использование формулировок о произведениях умельцев и мастеров прошлого применительно к описанию экспозиции Оружейной палаты, характерное и для оформления хроники визитов прежних десятилетий. Это вполне характерный паттерн символического присвоения, который в еще большей степени актуализировался в брежневское время. В 70–80-е годы ролики, задачей которых было распространение информации, на уровне текста и визуального материала позиционировали имперское пространство как часть культурно-исторического наследия. Поэтому редакторы и авторы таких текстов часто стремились, что называется, продемонстрировать связь времен. Здесь фигурировали формулировки типа: «Грановитая палата – парадный тронный зал <...>. Реставрация росписей Грановитой палаты была закончена в наши дни»²⁸ или: «В наше время здесь

27. Режиссер – Л. Кристи, Центральная студия документальных фильмов (ЦСДФ).

28. РГАКФД. № 27814: Кремль (1982 год).

Рис. 7. Л. Кристи. «Визит сенатора Эдварда Кеннеди в Советский Союз (1974 год)» (РГАКФД. № 26839)

(в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. — *Е.Б.*) вручают правительственные награды. Здесь же происходят торжественные приемы, вечера молодежи²⁹. Достаточно частым был прием перехода от демонстрации Георгиевского зала («Построен в XIX веке в честь побед русского оружия над иноземными захватчиками») к церемонии возложения венков к могиле Неизвестного солдата («Народ всегда будет помнить тех, кто отдал свои жизни за свободу Отчизны. Могила Неизвестного солдата у Кремлевской стены — памятник бессмертному подвигу советских воинов в годы Великой Отечественной войны...»³⁰). Таким образом, отсылки к дискурсу войны становились универсальными, без непосредственного акцентирования того или иного периода истории страны.

Однако самым показательным в хронике визита Э. Кеннеди, как кажется, стал видеорассказ о посещении ленинской квартиры. Текстовый материал был выстроен согласно устоявшимся нормам и позициям («Основатель первого в мире социалистического государства придавал огромное значение развитию советско-американских отношений на деловой и дружественной основе, на основе принципов мирного сосуществования»). Вместе с тем визуальный ряд достаточно сильно изменился. В фильме посещение музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле» было отражено довольно кратко. При этом во время ролика гости были показаны только в кабинете Ленина, осмотр спальни — вероятно, имевший место — в хронике не вошел (рис. 7). Ненужными стали кадры с записью в книге почетных гостей. В целом же видеоряд этого эпизода оставляет впечатление, что музей Ленина как таковой

29 Там же. № 22029: Исторические памятники Московского Кремля (1955 год).

30 Там же. № 28473.

занимает оператора и режиссера относительно мало. Намного более интересной, как кажется, оказывается реакция гостей на увиденное. Именно в этой части хроники зрителью последовательно показывают самого сенатора, его жену, проявляющую явный интерес к экспозиции, а также детей, фотографирующих музей.

Завершающей частью визита стало уже традиционное возложение цветов к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

В целом в брежневское время документальная фиксация встреч иностранных гостей выстраивалась в соответствии с описанными выше позициями: хроника все активнее «замечала» пространство и предметный ряд представительских залов Российской империи, а объем времени, затраченный на демонстрацию мест, связанных с революционным прошлым, напротив, уменьшался. Особое внимание в материалах такого рода уделялось объектам, связанным с историей Великой Отечественной войны³¹.

Очевидно, что эти аспекты – формирование коллективной памяти об империи, с одной стороны, и памяти о недавней большой войне, с другой, – взаимосвязаны. Действительно, брежневское время – это еще и начало большого государственного проекта «память о войне». Здесь и выстраивание концепта «Великая Отечественная война» как альтернативного концепту «Вторая мировая война», и создание огромных мемориальных комплексов, таких как могила Неизвестного солдата у Кремлевской стены (1967) или Мамаев курган в Волгограде (1967), и положение о государственной награде – звании «город-герой» (1965), и объявление 9 мая общегосударственным выходным днем (1965). Очевидно, что в это время актуализированной оказывается связка «война – империя». Ведь главное, что советский дискурс был готов заимствовать у имперского дискурса едва ли не с первых лет существования Советского государства, – это именно милитарный компонент, а также символика войны, которой было наполнено все государственно-представительское пространство Российской империи.

Немаловажно и то, что 70-е стали временем перехода, если воспользоваться терминологией Яна Ассмана³², от «коммуникативной памяти», т.е. памяти одного-двух поколений, основанной на апелляции к непосредственному опыту, к «культурной памяти», где повествование о событиях становится историей в своем абсолютном прошлом, а рассказ ведется языком мифа. В брежневские времена Российская империя изменила целый ряд важных составляющих своего образа. В определенном смысле она стала мифом, пространством, населенным олимпийскими богами и героями.

Интересно, что изменение в отношении к имперскому пространству, которое наблюдалось в СССР, и серьезнейший интерес, который фиксируется в брежневское время, во многом похожи на взаимоотношения пространства власти Российской империи и Московской Руси. Например, упоминавшаяся выше Грановитая палата, представляющая собой зал, сохранившийся от

31 РГАКФД. № 20697: Гости из далекой Африки (1964 год); № 24110: Гости из Непала в Советском Союзе (1966 год); № 21116: Большой визит (1970 год); № 25828: Парламентарии Бельгии в СССР (1971 год); № 27358: Гости из Лаоса в Советском Союзе (1975 год); № 27673: Визит в Советский Союз делегации Бундестага ФРГ (1976 год).

32 Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 50–69.

дворца Ивана III (конец XV века), уже однажды пережила процесс перекодировки. Речь идет о начале XVIII века, т.е. о периоде начала империи. Именно в это время наиболее активно проявилось стремление приспособить сложно инвертируемую, но сакрально значимую топографию власти Московского царства для осуществления идей трансляции империи³³. Так, росписи Грановитой палаты перестали восприниматься как важный элемент символики: уже в петровскую эпоху стены зала закрывали «сукнами», шпалерами, а затем и ставшим традиционным темно-вишневым бархатом с изображением двуглавых орлов³⁴. Но в начале 1880-х годов в связи с предстоящей коронацией Александра III палата была вновь расписана. При этом росписи были восстановлены по оригинальной описи С. Ушакова второй половины XVII века. И это, безусловно, было связано с популярностью в это время историзма, с его утверждением значимости традиций и образности древнерусского зодчества, интересом к идее преемственности между Византией и Русью, влиянием славянофильства и, что немаловажно, серьезной государственной поддержкой.

Такая несколько спекулятивная параллель, как кажется, позволяет увидеть, что 70-е годы XX века — это расцвет советского историзма. Советская рецепция имперского представительского пространства прошла свой путь от неприятия и деструкции к попыткам пересмотра и перекодировки, а затем к повому узнаванию, даже восхищению, осознанию важности и пониманию логики взаимосвязей, необходимой для трансляции универсальных властных коннотаций.

33 Схожую цель преследовали, но далеко не всегда оказывались способными осуществить Кремлевские дворцы императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны (середина XVIII века), а также последующие планы переустройства Кремля архитекторов В.И. Баженова и М.Ф. Казакова.

34 См., например: «Венчание на царствие Екатерины II, 22 сентября 1762. Парадный обед в Грановитой палате» (гравюра А.Я. Колташников, последняя четверть XVIII века); «Прием турецкого посольства 14 октября 1764 года в аудиенц-камере Невской анфилады Зимнего дворца» (гравюра А. Казачинского с рисунка М.И. Махаева и Ж.Л. де Велли, вторая половина XVIII века).

НАШИ АВТОРЫ

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА (РАШ РГГУ) boltounovack@gmail.com;

ЮЛИЯ ВАЛИЕВА (СПбГУ) jouliali@gmail.com;

ПЕТР ГОРДЕЕВ (РГГУ им. А.И. Герцена) petergordecv@mail.ru;

ВИОЛЕТТА ГУДКОВА (Государственный институт искусствознания)
violctta@mtu-net.ru;

ЕВГЕНИЙ ДОБРЕНКО (Шеффилдский университет) E.Dobrenko@sheffield.ac.uk;

АЛЕКСАНДР ДОЛИНИН (Университет Висконсина в Мэдисоне)
aadolinin@yahoo.com;

ИЛЬЯ ЖЕНИН (РГГУ) izhenin@gmail.com;

СЕРГЕЙ ЗЕНКИН (РГГУ) sergezenkine@hotmail.com;

ДЖУЛИ КЕРТИС (Оксфордский университет) julie.curtis@wolfson.ox.ac.uk;

МАРИНА КУЗИЧЕВА (МГУ) marina-kuzicheva@yandex.ru;

СТИВЕН ЛОВЕЛЛ (Королевский колледж Лондонского университета)
stephen.lovell@kcl.ac.uk;

КРАСИМИРА ЛУКИЧЕВА (РГГУ) krassimiralouk@gmail.com;

АЛЕКСАНДР МАРКОВ (РГГУ) markovius@gmail.com;

КЁХЭЙ НОРИМАЦУ (Токийский университет) knorimatsu@nifty.com;

МАРИЯ ПИРОГОВСКАЯ (Европейский университет в Санкт-Петербурге)
mpirogovskaya@eu.spb.ru;

НАТАЛЬЯ ПОЛТАВИЦЕВА (РАШ РГГУ) natalypol2007@yandex.ru;

ОЛЕГ ПРОСКУРИН (Университет Эмори, Атланта) proskurin.oleg@gmail.com;

АБРАМ РЕЙТБЛАТ («НЛО») reitblat@nlo.magazine.ru;

АЛЕКСАНДР СОРОЧАН (Тверской государственный университет)
bvelvet@yandex.ru;

БОРИС СТЕПАНОВ (НИУ ВШЭ) bstepanov@hse.ru;

ЕВГЕНИЯ СУСЛОВА (СПбГУ) simomoto@yandex.ru;

АЛЕКСАНДР Ф. ФИЛИППОВ (НИУ ВШЭ) afilippov@hse.ru;

АНДРЕЙ ЩЕРБЕНОК (Московская школа управления «Сколково»; СПбГУ)
shcherbenok@gmail.com.